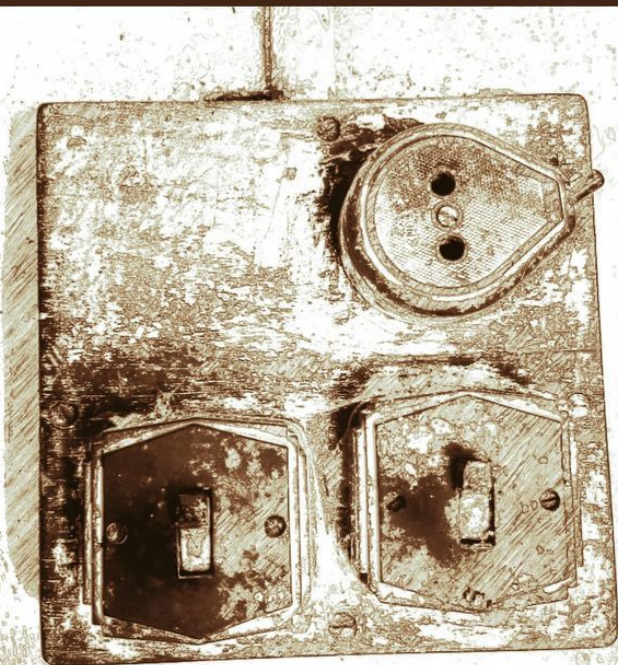

18+

Андрей Саенко

Не вырубить!

Стихи, объединённые одной обложкой

Андрей Саенко
Не вырубить! Стихи,
объединённые одной обложкой

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48941974
ISBN 9785449648136*

Аннотация

В русской традиции слово всегда было связано с ответственностью, порой превосходящей его реальное значение в материальном мире. Поэтому для меня название «Не вырубить!» означает не только благодарность высшим силам за сохраняющееся вдохновение, позволяющее двигаться по жизни от одного нравственного выбора к другому, но и безусловную личную ответственность за «написанное пером». Перед собой, перед читателем, перед сегодняшним, а если повезет, то и завтрашним днем. Андрей Саенко

Содержание

Поэтическая летопись души	5
Вместо эпиграфа 1	11
Не вырубить!	12
Алхимия	12
16 мая 2018 года	13
9 января 2018 года	14
Сочи-Адлер	15
Аэропорты	17
Внуки Дон Кихота	18
Будильник	19
Сценка в грузинском ресторане	21
Injoy the Silence 2	24
Стрелки	26
Слова	28
На конец февраля	30
«Когда ребёнок плачет...»	32
Грузия: туда и обратно	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Не вырубить! Стихи, объединённые одной обложкой Андрей Саенко

Сергей Георгиевич Антоненко *Предисловие*

PJeganathan *Фотограф*

© Андрей Саенко, 2020

© PJeganathan, фотографии, 2020

ISBN 978-5-4496-4813-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Поэтическая летопись души

Стихотворчество сегодня не в моде. Правда, востребованы саркастические рифмованные отклики на злобу дня – своего рода памфлеты или даже просто анекдоты в стихах, в стиле Быкова или Емелина. Не совсем потерял интерес и к экспериментам с поэтической формой, хотя, казалось бы, после изошрённого экспериментаторства прошедшего века – что уж нового можно изобрести?.. Но всё меньше тех, кто решается по старомодному «излить душу», рассказать о себе самом, своих мыслях и чувствах, о своём восприятии вечного и мимолётного.

Постмодернистская ирония, кажется, разъела эту самую простую мотивацию творчества – «поделиться заветным»; разрушила первичную форму авторского самосвидетельства «ego eimi» – «я есмь», где «я» – не абстрактная интеллектуальная единица, а реальный человек, проживающий свою жизнь в системе земных (исторических, географических, социальных, семейных, возрастных...) координат и связей. Поэтому опыт Андрея Саенко, представляющего на суд читателей своего рода поэтический дневник повседневности, видится и примечательным, и в чём-то дерзновенным.

Нам довелось познакомиться с автором сборника в отроческие годы, на самом излёте советской эпохи; нашей дружбе – три десятилетия. Уже тогда Андрей имел определённый

ное поэтическое «портфолио», пробовал себя и в музыке. В дальнейшем, получив юридическое образование и став признанным специалистом в области права, он не забыл о художественном творчестве – всегда сторонясь, впрочем, вхождения в сферу профессиональной, или околопрофессиональной, литературной/музыкальной работы, не примыкая к группам, течениям или «тусовкам».

Благодаря этому Андрею Саенко удалось сохранить в своих текстах (а он выступает и как публицист) некую «досуговую», эссеистическую интонацию; избежать натужности и выпренности. Иногда, впрочем, у него заметен пафос, кажущийся несколько декларативным, «не до конца проживаемым». Такова особенность ментального и духовного мира нашего поколения, «застигнутого сумерками» (М. Павич), попавшего в зазор между мирами и так и не выработавшего адекватный собственный язык для разговора о Высоком.

Лучшие стихотворные зарисовки Андрея Саенко – это именно поэтические эссе, не чуждые здоровой и трезвой самоиронии, не претендующие на презентацию окончательной истины или на некий императивный драматизм: «Желаю созидать с собой в ладу, / Другим шуметь и споря не мешая». Впрочем, рефлексия автора по поводу собственного творчества двойственна. В одном стихотворении соединяются и смиренное признание, что «моим стихам... нет места на Великой книжной полке» и страстное желание «просто поделиться этим чудом, / В котором от меня совсем немно-

го».

Андрей Саенко чувствует свою причастность к мистериальной «алхимии стихов» и к древнему таинству Слова, которое способно воскрешать, возвращать из бездны отчаяния: «Когда вы решите, что это – конец!, и отчаяние / подкажет, что нечего делать, а только тонуть, / тоните в Словах, в их смыслах и в их звучании, / и путь ко дну превратится в обратный путь». Одно из самых исповедальных стихотворений сборника не без иронии озаглавлено «Болтун». А речь в нём идёт об очень серьёзном – об онтологической, бытийственной роли Слова: «В словах родился и живу я, / И сила в них, и западня: / Я говорю – я существую, / Не говорю – и нет меня».

В сегодняшнем мире словесный поток замутнён, искажён информационным шумом, избыточностью и необязательностью сообщаемого: «Боже мой, как много лишних букв, / Лишних рифм, сравнений, оборотов...». В силовом поле «Всемирной паутины» обесцениваются любые истины: «... Безликий пост в безликом интернете, / Где даже чудеса – и те мельчают...». Андрей Саенко не рядится в тогу мудреца или в милоть пророка и не предлагает универсального рецепта спасения; его собственная стратегия заключается в верности простым и вечным основаниям бытия: «Родина, Свет, Россия, Господь, История, / Мама, Семья, Ребёнок, Родные, Дом».

Семья занимает ключевое место в системе ценно-

стей автора сборника. Семейная тема разрабатывается им в нескольких регистрах, на разных уровнях. Это и глубоко личностно окрашенные строки, передающие отцовское любовное отношение сыном или искреннее уважение к родителям жены (стихотворения «Максиму», «Золотая свадьба»). И дневник-хроника совместных географических «открытий», впечатлений полученных в ходе семейных путешествий. И философические наблюдения о совместном бытии мужчин и женщин в нашем мире: «Женщина сродни секундной стрелке, / А мужчина – стрелке часовой...».

Кстати, процитированное стихотворение («Стрелки») открывает ещё один значимый аспект поэтических опытов Андрея Саенко. Это – рефлексия по поводу феноменальной природы времени – природы, в которой переплетены объективное и субъективное начала. Продолжая характерную для русской поэтической школы традицию, автор во многих стихотворениях обращается к сезонным явлениям природы – в основном на стыке зимы и весны – «прочитывая» их как метафоры явлений социальных и психологических. «Поколенческие» размышления (стихотворения «90-е», «Вот идёт паренёк, для которого я уже старый...») и подступы к осмыслению истории соседствуют в сборнике с самоанализом, повод для которого – собственные дни рождения (уже само возрастание числового значения каждой новой даты способно породить немало дум, не правда ли?).

...Можно назвать ещё немало тем и сюжетов, которые

осваивает Андрей Саенко. (Кстати, его профессиональная деятельность юриста получила минимальную поэтическую разработку – лишь в «Зарисовках с натуры из АСГМ». Наверное, есть тому причины...). Отметим главное: в эпоху, когда поэзия маргинализируется, культурологически важной миссией становится поддержание духовной эстафеты творчества. Не менее значимо и сохранение в «великом и пространном» современном информационном море нравственных ориентиров – маяков, помогающих удержать курс в своём жизненном плавании. Пожелаем Андрею Саенко вдохновения и стойкости, чтобы нести и передать далее дерзновенно подхваченную им эстафету, и зоркости взгляда, чтобы всегда различать луч путеводного света.

*Сергей Антоненко,
культуролог, религиовед,
главный редактор журнала
«Наука и Религия»*

Андрей Саенко, март 2019 года

Вместо эпиграфа ¹

*Когда не боишься работы
И гонишь постылое «ляг!»,
Родятся различные всходы
На самых различных полях.
Читаю анонс к своим вириам:
«Юрист, публицист, музыкант...» —
И нос поднимается выше,
И губки сплетаются в бант.*

¹ На публикацию рецензии на первую книгу «Блины и комья: важные стихи» в журнале «Наука и религия»

Не вырубить!

Алхимия

Я буквы в слоги соберу,
Я слоги выстрою словами,
Не чтобы заблистать меж вами
Или прославиться в миру.

Из этих слов я возведу
Стиха классического строфы,
В самоповторах катастрофы
Рифмуя радость и беду.

Вот так в алхимии стихов
Переставляю как пятнашки
Я букв потёртые костяшки
Из самой глубины веков.

Бесплоден поиск новизны,
Но превращение поэта
Овладевает мной при этом
Сильнее комплекса вины.

16 мая 2018 года

«Уже не важно, штиль или штормит —
в Крыму теперь всегда открыты двери,
достроен мост! – всю горланят СМИ, —
Владимир Путин сам его проверил!»

А я спешу о том поведать вам,
что тоже важно, в некотором плане:
вчера подняли купола на храм
святой Анастасии в Тёплом Стане.

Вот сваями уходит мост на дно.
Вот купола взмывают в неба сини.
И нам не очевидна связь меж ними,
поскольку это, в сущности, одно.

9 января 2018 года

Не стоит ожидать, что лёгким будет год,
Вошедший понедельником в веселье:
В нём день начала офисных работ
В кровавое случился воскресенье,
А как хотелось всё наоборот!

Сочи-Адлер

Сочи – Адлер... одно из двух.
Море в небе. Небо до плеч.
Шум прибоя укутал слух
В этом месте недолгих встреч.

В слове Сочи советский дух.
В слове Адлер немецкий вкус.
Шум прибоя укутал слух
В этом месте непрочных уз.

Осень здесь уходит зимой,
И весна приходит зимой.
В рюкзаке – самолёт домой.
Я твоя. Ты моя. Я твой.

Сон мой в пальцах песком, что сух,
Не течёт ли, тело обрёл?
Сочи – Адлер. Одно из двух.
Нечет, чёт ли? Решка ль, орёл?

О-
 чи
Ка-
 мер.
Со-

чи.

Ад-

лер.

Аэропорты

А я люблю аэропорты!
Люблю встречать и провожать,
И обниматься по прилёту,
И, провожая, руку жать,

И видеть, как другие рядом,
Касаний значимости вняв,
Впиваются голодным взглядом,
Как я в тебя, как ты в меня,

Как, скрытым чувствам потакая,
Спешит к груди прижать рука,
И в ней энергия такая,
Что с лишком хватит на века

На все на свете самолёты,
На ждать, встречать и провожать,
Чтоб, расставаясь, руку жать
И обниматься по прилёту.

Внуки Дон Кихота

Каждым утром одеваясь на работу
В брюки, галстук и ботинки с пиджаком,
Я родство приобретаю с Дон Кихотом,
С этим бедным сумасшедшим стариком.

Но отнюдь не потому, что мчусь куда-то
И со злом вселенским на расправу скор,
Просто древние чудовищные латы
Не особо изменились с давних пор.

Не спасёт, а загубит моё здоровье
Эта глупая одежда, господа!
И сквозит через костюм средневековые,
И растёт на подбородке борода.

Будильник

Мне раньше казалось, что это такое проклятие:
Способность страны сохраняться

в реформе любой,

Топить в безразличье

попытки людей поменять её,

В итоге всегда оставаясь всё той же собой.

Сдавая колоду, метало, смеясь, мироздание
Шестёрки и джокеры – громких имён ассорти,
От высших слоёв,

на Сенатской призвавших к восстанию,

До тёмного низа, сметавшего всё на пути.

Но как далеко не сумели б зайти реформаторы,
Насколько б надёжным и верным

ни виделся крен,

Смягчали удары гигантские амортизаторы,
И лесом густым колосился забористый хрен.

Меня тяготило, что топчемся вечно на месте, но
Мы словно будильник,

всегда заведённый на семь,

А сила страны —

в неспособности быть неестественной,

Хоть эта естественность, может, мила и не всем.

Сценка в грузинском ресторане

*A bottle of white, a bottle of red,
Perhaps a bottle of rose instead
Billy Joel, «Scenes from an Italian Restaurant»
(Бутылка белого, бутылка красного,
А возможно бутылка розового вместо них
Билли Джоэл, «Сценки в итальянском
ресторане»)*

- Всё хорошо?
- Всё просто супер!
- Здоровы все?
- Да слава богу!
- Ты на машине?
- Что ты! Uber!
- Тогда накатим понемногу! Ты любишь красное, всё то же?
- А ты как прежде «Цинандали»?
- Пожалуй, розовое может быть с двух сторон одной медали.
- Всё шутишь... как твои, скажи хоть? Я ничего о них не знаю...
- За красоту – любая прихоть! Малышка в Подмоскowie с мая, жена всё там же, деньги те же, но туфли каждый раз

дороже, припадки ревности всё реже, хотя и страсти, в общем, тоже.

– А сам?

– А сам ещё стабильней! Брутальным мачо стал, сердитым. Ты посмотри на мой мобильный – не зря же я плачу кредиты.

– А песни? А стихи?

– Пустое... Ну, иногда за горло схватит тоска: зачем я? кто я? что я? И до утра лежу в кровати в своём быту полумогильном, который сам себе построил... Ты посмотрела на мобильный? Ты знаешь, сколько он мне стоил?!

– Опять ты шутишь... Я серьёзно. Я тоже часто вспоминаю и ту Москву, и эти звёзды, и всю студенческую стаю, и ты мне ничего не должен, и я с тобою откровенна...

– Я и сейчас всё тот же он же! И ты всё та, игла мне в вену! Ну что нам годы, что нам семьи, что перст судьбы благословенной! Смогли же в это воскресенье найти секунду во Вселенной! Мы можем, мы ещё способны... Официант, вина ещё!

– Буянить хватит... неудобно. Проси, пожалуй, лучше счёт. И мы его располовиним, не возражай и не шуми... ведь ты настолько же повинен, насколько я, насколько мы. Но все мы также невиновны, и где-то глубоко внутри мы всё ещё свежи и новы, ты просто глубже посмотри. А что кругом одна засада... плесни-ка мне ещё глоток.

– Да я опять шутил... Не надо... Возьми салфетку... Дать

патоки?

– Вино нам рано... лучше б соку. Прости, я больше не реву.

И поцелуй невинный в щёку
Поставил точку в randevu.

Injoy the Silence ²

В ушах пульсировал хитом
Бессмертный коллектив британцев,
В который раз запев о том,
Как сладко тишине отдаться,
И наслаждаться тишиной,
Не причиняя боль словами,
И я не знал, что смерть войной
Пришла за нами и за вами.

Прорвали воздух голоса
Гражданской мёртвой обороны,
И поднимались в небеса
Густыми тучами вороны,
И гулко рушился уют.
Впервые стадом стала паства:
Метались люди там и тут,
Забыв про деньги и богатства.

Как целлофановый пакет,
Попавший в жар огня мартена,
Ужались в точку сотни лет,
И канули в пучину тлена.
А я, далёк от суеты,

² «Наслаждайся тишиной» (англ.), суперхит группы «Depeche Mode»

Был погружён в другие звуки,
И были небеса чисты,
И в мире не было разлуки.

Ни о развязанной войне,
Ни о конце всего не зная,
Я был на звуковой волне,
Когда пришла волна взрывная.
И этот мрак, и этот свет,
Всё словно замерло и встало,
Но жизнь не прекратилась, нет,
А просто навсегда устала.

Здесь, в этой точке – каждый сам
Отныне без конца и края.
Земля подвластна небесам,
Хоть нет ни ада и ни рая.
И навсегда в моих ушах
По кругу фразою одною
Покой, в себя вобравший страх,
И наслажденье тишиною.

Стрелки

Женщина отпущенные сроки
Мельтешит во всяких мелочах,
Обивает суеты пороги,
Охраняя пламя и очаг.

Не беда, что результат непрочен,
Не беда, что круг не разомкнуть,
Женщина как будто между прочим
Преодолевают этот путь.

Нам, любимцам вековых отметин,
Мирный быт подчас внушает страх;
Женский труд не всякий раз заметен:
Съеден суп и снова пыль в углах,

На столе посуда башни строит,
Стирки ждёт постельное бельё...
Но хозяйку это не расстроит
И чело не омрачит её.

То ли дело творчество мужское!
Если мастерить, то на века,
Даже если самое простое,
Даже если замок из песка,

А уж если это табуретка,
Двери, стены, пол и потолок...
Редко мы работаем, но метко,
И высвобождаем время впрок.

В суете, как не в своей тарелке,
Мужики срываются на вой.
Женщина сродни секундной стрелке,
А мужчина – стрелке часовой.

Вот они и вертятся по кругу
И хранят надежду на любовь,
Так необходимые друг другу,
Разбегаясь и встречаясь вновь.

Слова

Когда вы решите, что это – конец!, и отчаяние подскажет, что нечего делать, а только тонуть, тоните в Словах, в их смыслах и в их звучании, и путь ко дну превратится в обратный путь.

Можно простые Слова заплести в Молитву, в медитативную Мантру, а можно и вдруг осознать, что в пульсации вечного ритма Слова – молчаливые спутники, твои и мои.

Мы ими дышим, и это не аллегория,
мы выдыхаем их просто или с трудом:
Родина, Свет, Россия, Господь, История,
Мама, Семья, Ребёнок, Родные, Дом.

Сколько их, в сточных канавах рекламного шума:
Верю, Надеюсь, Люблю, Возвращаюсь, Прости...
Достаточно лишь нащупать,
вспомнить, подумать,
впитать в себя, наружу , *про-из-нес-ти*

и, если решите, что это – конец!, и отчаяние
заполнит болотом бессмыслицы всё вокруг,
помните, нет того дна,
чтобы снизу не постучали,

и что Слова – это лучший спасательный круг.

На конец февраля

Да что бы там ни говорили,
Зима короткая у нас,
Ведь мы её не уловили
И в этот раз.

Декабрь за осень мы держали,
Не в силах сдаться без боёв,
Но – глядь! – уж праздники вбежали
По семь слоев.

И с двадцать пятого по самый
Советский старый Новый год
Мы только локти не кусали,
Кормя живот.

Потом – тяжелое похмелье
От горных лыж и от морей,
Но мы старались тем не менее
Глядеть бодрей.

А тут опять суровый праздник,
Преддверье мартовских забот,
А между ними – блин на масле
И хоровод.

И снова – глядь! – а день-то светел,
И рано гаснут фонари,
И, ты заметил? – я заметил! —
Весна внутри!

И нас ещё накроет выюга,
Но в ней, как не лютуй, мороз,
Всё больше слышно будет «юга»
И майских гроз.

«Когда ребёнок плачет...»

Когда ребёнок плачет,
Хватая воздух ртом,
Утешь его, иначе
И ты повинен в том.

Повинен тем, что взрослый,
Что не был рядом с ним,
Что всё вокруг непросто,
Хоть быть должно простым,

Что, двигаясь по жизни,
О том, что знал, забыл,
И что при этой мысли
Не вскрикнул, не завыл.

Когда ребёнок плачет,
Не спрашивай, о чём.
Ребёнок плачет, значит
Укрой его плащом

Тепла, любви, заботы,
Причина ни к чему,
Не важно, кто и что ты, —
Отдай себя ему,

Чтоб, словно Бог сиротку,
Ребёнка обогреть.
Чтобы на миг короткий
Спасть и не стареть.

Грузия: туда и обратно

Туда

Вы, усы, зазря повыврастали,
До губы до нижней дотянули:
Будете мне тыкаться в хинкали
И купать себя в Киндзмараули!

Постригу я вас и причепурю,
Над губами разложу рядками,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.